

ОПОЧКА В ЖИЗНИ И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВИЧА ИСПОЛАТОВА

Его отец, Иван Николаевич Исполатов (1849-1922), окончил Медико-хирургическую академию и с января 1874 года служил младшим врачом 146-го пехотного Царицынского полка, стоявшего в Пскове. Через девять месяцев, 4 октября, он женился на 17-летней внебрачной дочери отставного полковника Евгения Петровича Назимова (1785-1868). При крещении их первенца, родившегося 11 июня 1876 года и названного в память о бабушке Евгением, приемником был двоюродный брат полковника декабрист Михаил Александрович Назимов. Их дочь Ольга появилась на свет 26 мая 1882 года.

Иван Николаевич многие годы прослужил военным врачом в Пскове и в августе 1887 года определил сына в местный кадетский корпус. Однако Евгений склонности к военной службе не имел и затем поступил в столичный лесной институт. Очевидно, сказалось и влияние преподававшего в корпусе естественную историю известного учёного и путешественника Н. А. Зарудного. Приезжая домой на каникулы, Евгений вёл ботанические поиски не только в окрестностях города. Об этом свидетельствуют его первые публикации в «Трудах С.-Петербургского общества естествоиспытателей»: «Новые местонахождения некоторых растений в Псковской губернии и новости для Псковской флоры за 1897 год» и «Ботанико-географические очерки в Псковской губернии за лето 1898 года».

По диплому, выданному институтом 6 июня 1898 года, он получил звание учёного лесовода 1 разряда и в сентябре приступил к работе в Подборковском лесничестве, находившемся под Псковом: сначала помощником лесничего, затем таксатором. Его сообщения о найденных при этом редких растениях печатались в «Ученых записках Юрьевского университета», а научно-популярные статьи о жизни птиц, о фенологических наблюдениях, о влиянии человека на растительность» - в журнале «Естествознание и география».

Тогда же Петербургское Императорское общество естествоиспытателей стало направлять Исполатова в экспедиции по изучению природы других регионов России. Он побывал в Повенецком уезде Олонецкой губернии (современная Карелия), изучал растительность крымских песков в северной части Таврической губернии, исследовал флору трёх восточных уездов Новгородской губернии. Отчёты об этих экспедициях публиковались в различных научных изданиях, а очерки краеведческого характера («Страна карелов, его природа и жители», «В Новгородской глуши») – в названном выше журнале.

17 марта 1903 года его повысили по службе, назначив лесничим 2-го разряда Спасовщинского лесничества на юге Гдовского уезда Петербургской губернии. Сейчас деревня Спасовщина входит в Серёдкинскую волость Псковского района. Судя по спискам его трудов, перечисленных в справочниках «Русские ботаники» (т. 3, М., 1950, с. 486-8) и «Птицы СССР» (Л-д, 1971, №№ 939-858), он опубликовал не менее десятка статей о флоре и птицах тех мест. Среди них был и общий очерк о природе южной части уезда под названием

«Вдовщина (Гдовский уезд)», появившийся всё в том же журнале за 1911 год (№ 9). Тогда же, 28 января 1904 года, Исполатов женился на подруге и однокласснице своей сестры, дочке изборского купца Ольге Гаршнек. Их дочь Татьяна родилась 12 января 1906 года.

Евгений Иванович интересовался не только природой Псковской земли, но и её историей. В мае 1906 года он провёл раскопки кургана у деревни Сельцо Гдовского уезда и передал свои находки в музей Псковского археологического общества. Вскоре молодой семье пришлось покинуть этот уезд, так как 16 марта 1907 года ему поручили руководить Сосново-Архангельским лесничеством в Бугурусланском уезде Самарской губернии. В тех же справочниках названы его публикации о растительности и птицах этих мест. Позднее, в 1915 году, всё тот же журнал «Естествознание и география издал обобщённую статью «Природа Бугурусланского уезда». Вторая дочь Вера родилась там 25 сентября 1908 года (отец ласково звал её «Самарочкой»).

Перебраться ближе к родной природе удалось, получив 23 сентября 1910 года назначение лесничим в Опочку (лесничество официально именовалось Подгородным). Прежние темы продолжали интересовать Исполатова и здесь. За семь последующих дореволюционных лет поступившие от него материалы печатал «Орнитологический вестник» («Интересные находки в Псковской губернии» - в № 3 за 1911 год и «Заметки о некоторых птицах Псковской губернии» - в № 3 за 1917 год), «Бюллетень Харьковского общества любителей природы» («Загадочное явление в жизни птиц» - в № 2 за 1914 год и «Ботанический сад в Пскове» о частном питомнике его приятеля В. Д. Андреева - в № 1 за 1915 год), «Труды Тифлисского ботанического сада» («Новые сведения о флоре Псковской губернии» - в № 2 за 1913 год), «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» («Три новых для Псковской флоры вида» - в 1913 году).

Особый интерес представляет полемическая заметка Исполатова «О памятниках природы и старины» в журнале «Лесной дух» за 1912 год (№ 5). Она стала его откликом на помещённую в № 3 этого журнала статью г. Дамберга «О памятниках живой старины», в которой автор указывал на необходимость охраны этих памятников, даже находящихся в отдалённых местах, огораживать их, отмечать табличками. Исполатов отметил, что раритетная растительность и памятники истории есть во многих губерниях. В качестве примеров он привёл те, что видел в Жуковской волости Псковского уезда, на Спасовщине, в Опочецком уезде, в Новгородской и Самарской губерниях. А над предлагаемыми мерами посмеялся, уверяя, что при отсутствии сторожей ограду разломают, а дощечки сорвут или прострелят. «Охранение памятников природы и старины возможно будет с успехом организовать лишь тогда, когда наш народ будет образован...». (Текст статьи Исполатова любезно предоставила питерская исследовательница Т. В. Уварова, занимающаяся, в частности, составлением биографии уроженца Опочецкого уезда Н. И. Архипова – бывшего хранителя Петергофских музеев).

В опочецкий период, длившийся 12 лет, памятники старины стали интересовать Исполатова всё больше. Этому способствовала дружба с податным инспектором Л. И. Софийским, переведённым в Опочку на полгода раньше него. Леонид Иванович и ранее занимался краеведческими поисками, а вскоре после

приезда в Опочку взялся за написание к 500-летию основания крепости большой книги «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414-1914 гг.)». Вместе они объездили весь уезд, занимались и раскопками. Об этом свидетельствует реакция Исполатова на обширные «Материалы для археологической карты Псковской губернии», помещённые Н. Ф. Окуличем-Казариным в 10-й выпуск «Трудов Псковского археологического общества за 1913-1914 годы». Занятия достопримечательностями уезда позволили Исполатову сообщить автору сведения о шести неуказанных археологических объектах Опочецкого уезда (о городище у деревни Люможевы Речки, о курганах у деревень Нестюгино и Треньки, о жальнике у погоста Ново-Покровское и о кресте 1504 года у деревни Стечки), а также о двух местах Псковского уезда. Они были включены в «Дополнения и поправки к «Материалам...», напечатанные в следующем выпуске Трудов ПАО за 1914-1915 годы.

Исполатов был одним из инициаторов использования топонимики в псковском краеведении. Ещё в статье «О памятниках природы и старины» он обратил внимание на целые группы селений Гдовского уезда, которые «одними своими названиями (особенно, если восстановить их в древнем виде) переносят нас в глубь веков. Таковы, например, Царёвщина, Володи, Княжицы, Смердий конец, Гридино». А для «Сборника Псковской губернской учёной архивной комиссии», вышедшего в 1917 году, Исполатов подготовил статью на эту тему: «О происхождении некоторых географических названий Псковской губернии». Во вступлении он сетовал на недостаток внимания к топонимике, которая может дать сведения, «которых не сыщешь ни в исторических документах и летописях, ни в древних памятниках». И далее, демонстрируя знание языков племён и народов, живших прежде на псковских землях, и их соседей, разъяснил происхождение многих местных названий, большая часть которых относилась к Опочецкому уезду.

Между тем, жизнь шла своей чередой, и от служебных и семейных дел тоже никуда не уйти. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1913-1914 годы» отмечено, что лесничий Исполатов является представителем Министерства земледелия и государственных имуществ не только в Опочке, но и в Новоржевском уездном земском собрании. В Опочке семья пополнилась третьим ребёнком: в 1917 году родился долгожданный сын Иван, а девочки стали ходить в школу. После революции Евгений Иванович остался лесничим, а с мая 1918 года ещё и руководил лесным подотделом Опочецкого земельного отдела. 25 мая его избрали секретарём губернского съезда лесоводов, проходившего в Великих Луках, по поручению которого Исполатов составил «Наказ лесной страже». Ольге Антоновне тоже пришлось пойти на службу счетоводом и делопроизводителем в уездные учреждения.

12 августа 1922 года в Пскове скончалась мать Евгения Ивановича, и его сестра Ольга Ивановна настояла на переезде брата с семьёй в родной город, чтобы заниматься их общим домовладением на углу Великолуцкой (Советской) и Георгиевской улиц. Исполатов поступил на работу в лесной отдел губернского земельного управления учёным лесоводом. А в Псковском обществе краеведения его попросили исполнять обязанности секретаря и 24 мая 1924 года избрали в правление общества. Он часто выступал на собраниях членов общества, в том

числе доказывал необходимость составления словаря местных географических названий. В первом выпуске сборника «Познай свой край!» напечатали его очерк «Три псковские легенды», с объяснениями, почему получили свои названия часовня Красный Крест, Ропатая лавица, Гремячая башня, погост Выбуты. Вторым выпуском этого сборника поместил его воспоминания о «дедушке псковской флористики» В. Д. Андрееве, скончавшемся в 1922 году.

Однако вскоре начались неприятности. Новая власть не могла забыть ни о потомственном дворянстве Исполатовых, полученном отцом, ни о домовладении, ни того, что он «совершенно не интересуется общественно-политической жизнью страны». Его уволили 1 августа при сокращении штатов земельного управления и 28 октября 1924 года арестовали вместе с супругой, обвинив в связях с заграничными родственниками, к которым в Изборск она нелегально ходила. Признав 2 января 1925 года нежелательными элементами, их выслали из Пскова, запретив проживание в пограничной полосе и в шести крупнейших городах страны. Пять лет они прожили в Вологодской губернии, где Евгений Иванович работал таксатором близ Кинешмы, и ещё пять лет он проработал заведующим дендросектором на Кубанской опытной станции Всесоюзного института растениеводства, а жена – техником отдела новых культур.

В это время дочери жили в Пскове с тётюшкой Ольгой Ивановной Исполатовой (по мужу Телепнёвой. Кстати, Телепнёвы родом из Опочки). Вера Евгеньевна окончила Псковский педагогический техникум и в 1928 году была направлена в Опочку заведующей центральной библиотекой. Там она жила в доме № 21 на Трудовой улице.

В предвоенные годы Евгений Иванович, выйдя на пенсию, работал препаратором в ботаническом кабинете биологического факультета Ленинградского университета. Он умер в блокаду 1 января 1942 года. Его и Ольгу Антоновну реабилитировали только 27 ноября 1998 года.

Примечание: Более подробные сведения об Исполатовых опубликованы в журнале «Псков» (№ 26/2007 г. и № 32/2010 г.) и в обобщённом варианте – в книге «Изучение Псковского края в 1920-1930-е гг.» [Псков, 2010] (А. В. Филимонов в соавторстве с Н. Ф. Левиным).

О ПАМЯТНИКАХ ИСТОРИИ И СТАРИНЫ

В своей статье «О памятниках живой старины», помещённой в № 3 журнала «Лесной дух», г. Дамберг затронул весьма интересный вопрос. Действительно, на необъятном пространстве нашего государства немало памятников древней природы и древних людей. При этом многие из этих остатков древности находятся в глухих местах, среди диких лесов и топких болот, куда не заглядывают маломальские образованные люди. Не удивительно поэтому, что нам ещё крайне мало известно о таких памятниках природы и старины. Где же находятся они? Могут подумать, что где-нибудь в сибирской тайге или в печорском крае. Конечно, и там, без сомнения, найдётся немало интересного в этом отношении. Но зачем так далеко забираться. Всего в 215 верстах к югу от нашей столицы, верстах в 10 от ст. Новоселье, на самом севере Псковской

губернии, в глухом лесу мне случилось наблюдать в 1899 году три пихты (*Abies sibirica*). По словам лесников, в той же Жуковской казённой даче, неподалёку от этих трёх пихт находилась целая группа таких же деревьев, погибших позже от огня. Интересно знать, уцелели ли те три пихты, которые ещё росли в 1899 году. Можно было бы предположить, что эти деревья выросли из семян, посеянных человеком; но дело в том, что в Жуковской даче в прежнее время искусственное лесоразведение не применялось. Если же принять во внимание, что в диком состоянии пихта известна в восточной части Новгородской губернии, а также в Шлиссельбургском уезде С.-Петербургской губернии, то отчего же не допустить, что и упомянутые выше пихты в Жуковской даче росли в диком состоянии. В той же Жуковской даче, неподалёку от только что описанного памятника природы, имеется ещё памятник старины, в виде высокого кургана-городища правильной формы.

Если отсюда мы передвинемся вёрст на 40-50 к северо-западу, то попадём в очень богатую памятниками старины местность, находящуюся в пределах Спасовщинского и соседних лесничеств Гдовского уезда. Здесь на каждом шагу попадаются древние курганы и городища всевозможных размеров и форм. Все они, без сомнения, должны быть крайне интересны для археологов, которые, однако, неохотно посещают такие глухие уголки, где не редко целые группы селений одними своими названиями (особенно, если восстановить их в древнем виде) переносят нас в глубь веков. Таковы, например, Царёвщина, Володи, Княжицы, Смердный (Смердий) конец, Гридино. Немало здесь также памятников природы, каковыми являются, однако, не древесные породы, а травянистые растения лесов, каковы, например, *Dentaria bubbitera*, *Orobus niger*, *Cupripedium Calceolus*, *Peucedanum Oreoselinum*, которые могут исчезнуть, если будут истреблены леса.

Если мы теперь обратимся к южной части Псковской губернии, то и здесь найдём немало памятников природы и старины. Из первых особенно замечательна в Опочецком уезде искусственно образованная посевом дача Гверстельский Бор. Растущая здесь примешанною к сосне ель представляет собой все степени перехода от сибирской *Picea obovata* к европейской *P. Excelsa*, притом в такой правильной последовательности, которая заслуживает быть основательно исследованной. Самую же дачу необходимо сохранить от рубки.

В соседней Новгородской губернии тоже можно указать достопримечательности того и другого рода. Памятники древности там, конечно, непочатый угол, так как губерния населена с древнейших времён. Так, в Тихвинском уезде, кроме указанных г. Дамбергом, много различных древних могил в окрестностях деревни Рудной Горки. В погосте Микулине есть (точнее, были в 1902 году) маленькая деревянная церковь своеобразной архитектуры, возрастом не менее 300 лет. Окрестности деревни Рудной Горки замечательны ещё в другом отношении: здесь произрастает крайне редкий для Европейской России папоротник *Cystopteris subetica* A. V. et. Milde. Найден он был в 1902 году на берегу речки Рагоши (приток р. Воложбы), в том самом месте, где эта река, уйдя в землю и пройдя некоторое расстояние под толщею известняков каменноугольной формации, снова вырывается на поверхность земли. Кроме

этого местонахождения, папоротничек этот указывается всего для трёх мест Европейской России и Урала.

Кроме указанных достопримечательностей Тихвинского уезда, немало таковых в соседнем Устюженском и Белозерском уездах; все они почти никому неизвестны и постепенно исчезают: памятники природы вследствие истребления их человеком или уничтожения подходящих для их существования условий, а памятники старины – курганы вследствие обращения в картофельные ямы, как это верно заметил г Дамберг, и вследствие распахивания (низкие курганы).

В восточной России, в Бугурусланском уезде Самарской губернии курганы редко случается видеть, но зато здесь, особенно в лесных местах, часто попадаются представители древней вымирающей флоры. Самый известный представитель её – это сосна, встречающаяся изредка небольшими рошицами по краям меловых склонов и обрывов, вытесняемая с задней стороны лиственными породами. Травянистая растительность в таких рошицах состоит обыкновенно из степных форм; но в одной сосновой рошице было найдено характерное для хвойных лесов растение – *Vonotropa hyporithys*. В лиственных лесах также попадаются вымирающие растения, например, *epipodon aphyllus* (Schm.) Sw.

Все вышеупомянутые памятники природы и старины заслуживают, конечно, охранения. Трудно, однако, сказать, что для этого следует предпринять. «Считаясь с малокультурностью России, - пишет г. Дамберг, - необходимо на памятниках или близ них прикреплять особые знаки, свидетельствующие о том, что это именно памятники, причём последние должны быть, по возможности, обнесены оградой. Условным знаком может служить дощечка из жести с обозначением на ней кратких сведений о памятнике и законоположения, карающего за повреждение его».

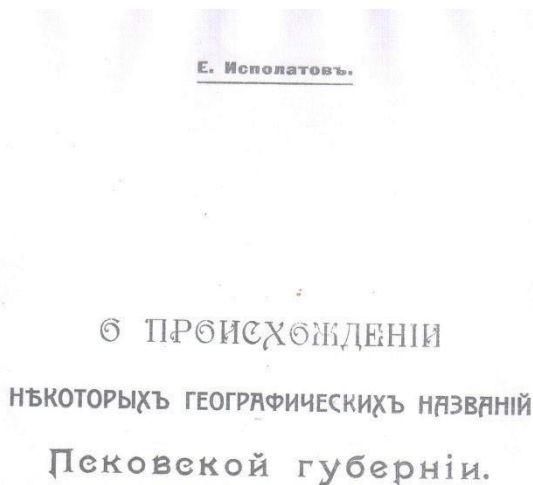
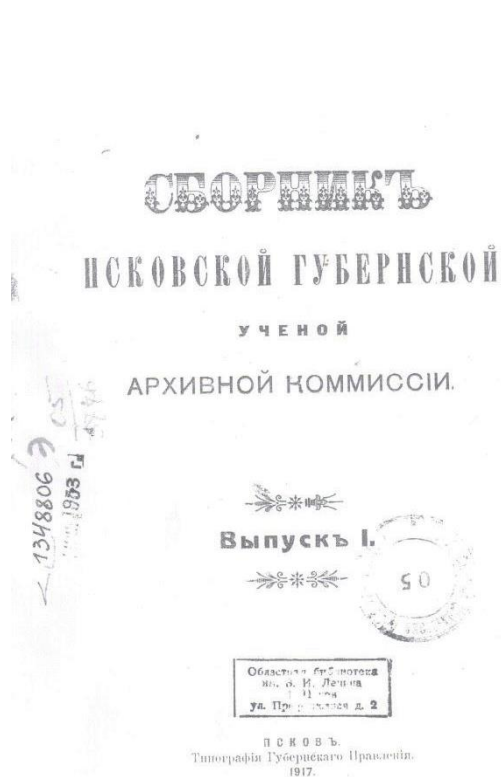
Предлагаемую меру вряд ли можно считать целесообразной. Если в местах многолюдных она, быть может, и применима кое-где; но если в глухих местах понастроить оград и повешать дощечек, то рядом придётся построить избушки и для сторожей, так как, в противном случае, мы заметим вскоре, что ограды разломаны, дощечки сорваны или прострелены, столбы разрублены или выдернуты из земли. Такая участь весьма часто постигает столбы с надписями в казённых дачах. Ещё хорошо, если на сооружения, имеющие целью охрану тех или иных достопримечательностей, наткнётся грамотный человек; «неграмотный» же, точнее, такой, который не в состоянии разобрать надпись, может уничтожить и подлежащий охране памятник природы или старины, если ему это окажется под силу.

Таким образом, невольно приходишь к тому заключению, что охранение памятников природы и старины возможно будет с успехом организовать лишь тогда, когда наш народ будет достаточно образован, когда он не только будет в состоянии читать различные вывески, в особенности зелёные, но будет иметь достаточно ясное представление об окружающей его природе и людях. Пока же охрану памятников приходится признать нравственной обязанностью образованных людей, живущих в глуши. Ведь найдутся и в глухих уголках нашего отечества интеллигентные люди, интересующиеся не только «зелёным полем», но также и зелёным лесом и всеми достопримечательностями, находящимися в лесах, полях и степях. Такие-то люди и будут, по мере сил,

заботиться об охране представителей первобытной природы и остатков древней культуры человека.

Исполатов.

Извлечено из журнала «Лесной дух» № 5 за 1912 год

Изучение происхождения географических названий пока мало развито в России. До сих пор ученые специалисты не могут столковаться по многим вопросам, относящимся к этой области. Все это весьма досадно, так как исследование в этой области могут дать не мало весьма ценных сведений для суждения о доисторическом прошлом той или другой страны, сведений, которых не сыщешь ни в исторических документах и летописях, ни в древних памятниках. Наиболее древняго происхождения считаются названия урочищ, т. е. рѣкъ, озеръ, горъ; и это вполне понятно, так как человек давал урочищамъ названия еще тогда, когда онъ велъ кочевую, или бродячую жизнь. Позднѣе же, когда человекъ сталъ жить въ селеніяхъ, онъ и имъ сталъ давать названия. Въ теченіе многихъ столѣтій и тысячелѣтій въ разныхъ мѣстностяхъ „народы смѣнили народы“, многія племена исчезли, многія географическія названія измѣнились; но нѣкоторыя остались почти безъ измѣненія на языкѣ того племени, которое жило въ древности въ той или другой мѣстности и дало имя тому или иному урочищу или селенію. Какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ многія географическія названія не могутъ быть произведены отъ словъ на языкѣ племени, населяющаго въ данное время эту страну; и происхождение ихъ приходится искать въ языкѣ того племени, которое нѣкогда жило въ данной мѣстности. Иногда случается, что названіе можно произвести отъ какого-нибудь слова на языкѣ народа, живущаго въ данной мѣстности; но, если разобрать основательно, то приходится придти къ убѣжденію, что названіе это первоначально было иное и лишь впоследствии измѣнилось, приспособилось, такъ сказать, къ языку другого народа, поселившагося на мѣстѣ жительства древнихъ племей. Такъ, въ Гдовскомъ у., Петроградской губерніи, есть двѣ небольшія рѣчки; одна называется *Еглинка*, а другая, сосѣдняя *Своиченка*.

Такъ какъ названіе первой происходитъ, несомнѣнно отъ финскаго (карельскаго?) слова *юги* (рѣка), приходилось догадываться, что и названіе второй рѣчки происходитъ отъ финскаго слова, а не отъ русскаго „своиченка“, что было бы довольно бессмысленно. И дѣйствительно, съ большимъ вѣроятіемъ можно заключить, что названіе второй рѣчки есть нашедшее финское: *су-ойя*, что значитъ *болотный ручей*. Такихъ примѣровъ наберется весьма много, если заняться исследованиемъ географическихъ названій. Опытъ такого исследования я и намѣренъ дать.

Бабинина. Дер. Опочецкаго уѣзда, Глубоковской вол.

Существуетъ не мало географическихъ названій, подобныхъ упомянутому, происходящихъ отъ слова „баба“. Такъ, въ Опочецкомъ уѣздѣ есть двѣ деревни *Бабинцы*—въ Петровской волости и въ Жадриной, есть озеро *Бабье*—въ Еженской вол. Съ такимъ же названіемъ мнѣ извѣстно

одно озеро въ Гдовскомъ уѣздѣ, Петроградской губ.; въ Повѣнецкомъ у. Олонецкой губ. есть деревня *Бабья Салма* близъ границы Удѣлбургской губерніи. Происхождение такихъ названій трудно объяснить удовлетворительно; можно сдѣлать лишь неуверенныя предположенія на основаніи имѣющихся историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Такъ, относительно дер. *Бабья Салма* мнѣ рассказывали слѣдующее преданіе. Во время войны со Шведами непріятельскій отрядъ напалъ на деревню. Всѣ мужчины надвѣялись спастись на островкѣ озера Ледозера; но Шведы достали лодку, перебрались на островокъ и всѣхъ ихъ зарѣзали, такъ что въ деревнѣ остались однѣ бабы. Быть можетъ, это преданіе выдуманно съ цѣлью объяснить происхождение названія деревни, но во всякомъ случаѣ въ немъ заключаются намекъ на то, что въ деревнѣ нѣкогда было „бабье царство“. Извѣстный ученый Элизе Реклю въ своемъ сочиненіи „Человѣкъ и Земля“ (изданіе Сойкина, стр. 946) говоритъ, что нѣкоторыя финскія племена „проникли до Скандинавіи, гдѣ очутились въ соприкосновеніи съ норманнами, но не имѣли силы бороться съ подобными соперниками и были отгнаны ими со Скандинавскаго полуострова въ страну болотъ, *fenn-land*, отъ которой и получили свои названія. Одно изъ нихъ племя, квенеры, устроилось на восточномъ берегу Ботническаго залива и обзавая своимъ названіемъ, которое по-шведски значитъ „женщины“, потому, что ихъ считали племенемъ амазонокъ...“ Наконецъ, въ финскихъ народныхъ рункахъ упоминается, что „южная сторона Калевала была бѣдна женщинами. Молодые люди искали невѣсты себѣ на сѣверѣ, въ странѣ Похволь...“ *) Во всѣхъ приведенныхъ данныхъ есть смутный намекъ на то, что нѣкогда существовало „царство бабъ“, что вполне согласуется съ мнѣніемъ ученыхъ о существованіи въ доисторическія времена „матриархата“, т. е. господства женщинъ въ родѣ. Возможно, что такой же намекъ есть и въ географическихъ названіяхъ, происходящихъ отъ слова „баба“.

Балашини. Дер. Опочецкаго у., Матюшкинской вол. Такъ какъ крестьяне этой деревни называютъ ее *Балашини*, то съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что названіе это происходитъ отъ латышскаго слова *балтас*—бѣлый и ранѣе выговаривалось *Балтасы*.

Берзоска. Дер. Оп. у., Покровской вол. Названіе происходитъ отъ латышскаго слова *берза*—береза.

Кисерова Гора. Дер. Порховск. у. См. *Съжирница*.

Кирова. Дер. Опочецк. у., Петровск. вол. См. *Съжирница*.

Курино. Погость Новоржевскаго у. См. *Куньгова*.

Куньгова. Дер. Опочецкаго у., Покровской волости.

*) В. Габо. По островамъ Ладожскаго озера. Бюллетени Харьковского Общества Любителей Природы. 1916 г. № 1 стр. 10.

Эта деревня расположена в юго-западном углу Опочецкого уезда, на самой границе Люцинского у., Витебской губернии. Среди жителей Люцинского уезда много латышей, да и среди жителей граничных частей Опочецкого уезда, вероятно, найдется не мало латышского происхождения, так как в старину, в некоторых деревнях „латышани“, т. е. говорили с латышским выговором (напр. „хум“ вместо „кум“). Поэтому название вышеупомянутой деревни происходит, несомненно, от латышского слова *kungs*—*господин*, а это, в свою очередь, произошло от древне-германского *Kunings*, от которого происходит современное немецкое *König* и даже русское „князь“. От того же корня происходит название *Кунино* (измененное *Куныно*). Хотя последнее можно произвести и от слова *куна* или *куница*, но еще вопрос, от какого корня происходит название этого цыганского зятря. Так как его шкурка употреблялась на одежду князей и вообще знатных и богатых лиц, а также в качестве денежных знаков, то весьма правдоподобным кажется предположение, что и слова *куна* и *куница* произошли от слова *Kunings*, подобно тому как *пенязь* производят от *Pfennig*.

Латыговка. Опочецк. у., Красногор. волости на основании вышеприведенных соображений можно с уверенностью сказать, что название это происходит от имени латышского племени *Латыгола*.

Лобно. Погость Новоржевского у., Аксеновск. вол. См. *Лобово*.

Лобово. Село Опочецкого у., Жадринской вол. Хотя название это, по всей вероятности, происходит от слова „лоб“, однако это еще не свидетельствует в пользу русского, славянского, а не финского происхождения этого названия. Ведь в церковно-славянском языке вместо слова „лоб“ употребляется слово „чело“, первое же слово употребляется в номинативе. Так, например, „лобное место“ означало вершину высокого, непокрытого гребнем холма. Такое место имело сходство с непокрытой волосами частью лица взрослого мужчины; и, вероятно, в таком смысле оно употреблялось в языке какого-нибудь племени. Племя это, наверно, было финским, так, на Урале среди рьв, имьющих, по мнению ученых, названия финского корня, есть рьва *Лобва*. Из языка этого племени слово „лоб“, подобно слову „волхв“, перешло уже в глубокой древности в церковно-славянский язык, а впоследствии стало употребляться в смысле, равнозначущим со словом „чело“.

Ложно. Озеро Порховского у., Вышегородской вол. Название происходит, вероятно, от финского (карельского) *Локка*—чайка.

Лятовка. Дер. Опочецк. у., Красногородской вол. От латышского слова *Latviesis*—латыши. Деревня находится также неподалеку от границы Витебской губернии.

Сергова. Дер. Порховского у., Вышегородской волости и *Серговка* Опочецкого уезда, Красногородской вол. Обе деревни находятся около озера,

и потому названия их вѣрнѣе произвести не отъ словъ *серга* или *Сергей*, а отъ финскаго (карельскаго) слова *сарри*—плотина. Во многихъ мѣстахъ существуютъ равнозначащія русскія названія озеръ и деревень— „Плотино“.

Сѣкирница. Дер. Новорж. у. Верстахъ въ 5—6 къ югу отъ погоста Кудеверъ находится дер. Сѣкирница, расположенная у подножія громадной горы того же наименованія. Прѣзжая неоднократно отъ Духнова до Кудеверы, я постоянно любовался этой горой, высоко поднимавшеюся надъ поверхностью вообще значительно приподнятаго надъ уровнемъ моря Новоржевскаго уезда (болѣе 100 саж.). Долгое время я не могъ догадаться, откуда произошло названіе этой горы, пока, наконецъ, не замѣтилъ съ одного пункта, что гора эта похожа на громадный топоръ, воткнутый лезвиемъ въ землю *). Тогда для меня стало ясно, что, вслѣдствіе такого сходства, гора получила свое названіе. Вскорѣ я еще болѣе убѣдился въ справедливости такого мнѣнія, когда узналъ о существованіи другихъ селеній со сходными названіями и мѣстоположеніями. Такъ къ ю.-в. отъ пог. Вышегорода Порх. у. есть деревня *Сакирка*, къ сѣв.-зап. отъ Опочки въ Красногорской вол. есть дер. *Сакирева*, близъ с. Велья Опоч. у. значится дер. *Сѣкирина* (въ настоящее время, впрочемъ, въ той мѣстности названіе это не извѣстно). Всѣ эти деревни расположены на горкахъ или около таковыхъ и, надо думать, получили свое названіе на томъ же основаніи, какъ и дер. Сѣкирница Новоржевскаго уезда. Вѣроятно, эти горы тоже съ извѣстнаго мѣста представляютъ сходство съ „сѣкирой“; а, если и не похожи, то, возможно, что названіе дано имъ въ подражаніе какой-нибудь горѣ, обнаруживающей такое сходство. Несомнѣнно, такіа названія были даны въ тѣ древнія времена, когда вмѣсто современнаго слова „топоръ“ употреблялось слово „сѣкира“.

Приведенное объясненіе подтверждается слѣдующими фактами. Верстахъ въ 10 отъ Опочки есть куполообразная, похожая на „сѣкиру“ *Дугова Гора*, на которую „опочане изстари совершаютъ на 2-й день Троицкаго дня паломничество и гдѣ нарочито въ этотъ день прѣбывающій священникъ Троицкой церкви отправляетъ молебствіе“ **); около этой горы расположена дер. Кирова. На основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно притти къ заключенію, что названіе этой деревни произошло такимъ же образомъ, какъ и названіе Сѣкирницы. Если въ названіи дер. *Кирова* перенести на первый слогъ (какъ это полагается, въ финскихъ нарѣчіяхъ), то полученное слово будетъ звучать весьма сходно съ финскимъ (карельскимъ) словомъ *киресь*, что значить *топоръ*. Изъ этого сама собой напрашивается выводъ, что

*) Съ другихъ пунктовъ гора похожа на „бердышт“ (полулуной формы), обращенный лезвиемъ вверхъ.
**) Д. П. Софійскій. Городъ Опочка и его уѣздъ въ прошломъ и настоящемъ. Стр. 107.

названіе *Кирова*, подобно названію *Сѣкирница*, взято отъ расположенной рядомъ горы, похожей на „сѣкиру“. Мало того, есть и другія деревни съ подобными названіями, напр. *Кирерова-Гора* Порховск. у., с. *Кирево* Опоч. у., Сине-Никольской вол.; оба селенія расположены на горкахъ. И на крайнемъ сѣверѣ Олонецкой губерніи, на южномъ берегу пустынного Сегозера есть населенная карелами деревня *Киресь-Вара*, по-русски *Топоръ-Гора*. Приведенныхъ данныхъ, мнѣ кажется вполне достаточно, чтобы убѣдиться въ правильности высказаннаго мною взгляда. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно, до нѣкоторой степени, судить, къ какому времени относятся названія *Сѣкирница* и *Кирова* и которое появилось первымъ. Весьма возможно, что названія эти относятся къ тому отдаленному времени, когда лишь начинали входить въ употребленіе среди населявшихъ теперешнюю Псковскую губернію славянскихъ и финскихъ племенъ топоры и другія желѣзныя орудія, когда вмѣсто современнаго слова *топоръ* употреблялось древне-славянское *сѣкира* *). Такъ какъ славянскія племена были болѣе цивилизованы, чѣмъ финскія, то и топоры и другія желѣзныя орудія появились у нихъ, вѣроятно, раньше; финны же заимствовали ихъ отъ славянъ. Если принять во вниманіе, что финскія слова имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ, и что, выговаривая русскія слова, финны выпускаютъ первая буквы (вм. сметана—метана, вм. двадцать—вадцать) и даже первые слоги, если удареніе на второмъ,—если принять во вниманіе это свойство финскихъ нарѣчій, то можно притти къ довольно правдоподобному предположенію, что карельское слово *киресь* произошло отъ славянскаго—*сѣкира* черезъ утрату перваго слога *сѣ*. Исторія же *Духовой Горы* мнѣ представляется такою. Уже въ глубокой древности финскія племена дали этой горѣ названіе отъ слова *киресь*; затѣмъ около этой горы образовалось селеніе съ такимъ же названіемъ. Жители этого селенія, первоначально язычники, были затѣмъ обращены славянами въ христіанство. Крещеніе язычниковъ, какъ извѣстно, совершалось чаще всего на праздникъ Пятидесятницы, вѣроятно, потому что въ это время вода въ рѣкахъ была достаточно тепла. Въ этотъ же день, вѣроятно, были крещены язычники дер. Кировой; а, чтобы поврать съ языческимъ прошлымъ, гора была переименована въ „Духову“. Въ то же время было установлено ежегодное молебствіе, о которомъ сказано выше. Такъ представляются „дѣла давно минувшихъ дней“ моему воображенію. О правильности или ошибочности такого мнѣнія могутъ судить специалисты по изслѣдованію Псковскихъ древностей.

Тарасова Гора. Дер. Опоч. у. Жадринской вол. Въ Опочецкомъ уездѣ есть много селеній съ названіями, подобными сейчасъ упомянутому, а именно *Тарасы* близъ с. Заволочья, двѣ *Тарасовки* близъ приг. Крас-

*) Но, можетъ быть, скорѣе отнести происхожденіе названія сѣкира не къ желѣзному, а къ каменному вѣку. Ред.

го (Красногор. и Покровск. в.), *Тарасова* близъ пог. Старикъ, *Тарасень-ова* и *Тарушина* (или Турушина) близъ с. Велья. Если, быть можетъ, е все, то многія эти названія происходят не отъ имени „Тарасій“, а отъ слова *тарасы* или *турусы*. Этимъ словомъ въ древности называли еревянныя башни на колесахъ, употреблявшіяся для осадъ крѣпостей. Къ такому мнѣнію приходится притти на основаніи слѣдующихъ соображеній. Эти селенія находятся на отдѣльныхъ, крутыхъ холмахъ, довольно высокихъ сравнительно съ окружающею мѣстностью, или же около нихъ расположены отдѣльные крутые холмы; около дер. *Тарасы* Копыловской вол. даже нѣсколько такихъ холмовъ (почему, вѣроятно, и названіе это во множественномъ числѣ). Далѣе бросается въ глаза то обстоятельство, что почти всѣ эти селенія расположены вблизи древнихъ крѣпостей: Опочки, Красног. Велья и Заволочья.—не дальше 8—10 верстъ отъ нихъ *). Несомнѣнно, жители ближайшихъ окрестностей этихъ крѣпостей имѣли лучшее представленіе о „тарасахъ“ или „турусахъ“, чѣмъ жители другихъ частей уезда; на основаніи сходства съ башнями они и окрестили нѣкоторые холмы и расположенныя на нихъ деревни *Тарасами*.

Чухачи. Дер. Опоч. у. Глубоковской волости. Такое названіе деревни носитъ на картѣ, но въ народѣ она называется „Чухачи“. Поэтому можно думать, что ея названіе происходит не отъ слова *чухать*, а отъ названія племени *чуди*, т. е. *чухонъ*—*чухачей*, (въ Новгородской губерніи ихъ называютъ *чухари*), обитавшихъ нѣкогда въ этомъ мѣстѣ и обрусѣвшихъ впоследствии.

Е. Исполовъ.

* Только дер. Тарасова, Старичской вол., находится въ 23 вер. отъ Опочки